

Салахова Рузиля Рашитовна

ЭМОТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ Ф. ЯРУЛЛИНА "ЯРАЛЫ ЯЗМЫШЛАР")

Статья посвящена изучению переводческих особенностей эмотивной глагольной лексики на материале произведения видного татарского писателя Фаниса Яруллина "Яралы язмышлар" ("Былинки на ветру") (перевод Е. Имбовиц). Выбор темы обусловлен тем, что в настоящее время эмоции активно изучаются в русле лингвокультурологии, а средства, выражающие эмоции в устной и письменной речи, - как важная часть дискурса или художественного текста. Результаты данной работы послужат фундаментом для дальнейших исследований в области языкознания и художественного перевода.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/10-3/49.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 10(76): в 3-х ч. Ч. 3. С. 171-173. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/10-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phi@gramota.net

УДК 81/8

Статья посвящена изучению переводческих особенностей эмотивной глагольной лексики на материале произведения видного татарского писателя Фаниса Яруллина «Яралы язмышлар» («Былинки на ветру») (перевод Е. Имбовиц). Выбор темы обусловлен тем, что в настоящее время эмоции активно изучаются в русле лингвокультурологии, а средства, выражающие эмоции в устной и письменной речи, – как важная часть дискурса или художественного текста. Результаты данной работы послужат фундаментом для дальнейших исследований в области языкознания и художественного перевода.

Ключевые слова и фразы: татарский язык; семантика; эмоция; эмотивная лексика; эмотивные глаголы; художественный перевод.

Салахова Рузиля Рашитовна, к. филол. н.
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ruzilya5@mail.ru

ЭМОТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ Ф. ЯРУЛЛИНА «ЯРАЛЫ ЯЗМЫШЛАР»)

Как известно, русский и татарский языки относятся к разным языковым семьям, что обуславливает их различия в словообразовательных, морфологических и других категориях. Однако тесные экономические, культурные и другие связи явились предпосылкой и для явления интерференции, которая рассматривается учеными как положительное, «способствующее взаимообогащению контактирующих языков и выработке общих линий их конвергационного развития, проникновению структурных элементов одного языка в другой» [1, с. 78]. При переводе должны учитываться как похожие, так и отличные морфологические средства языков, более того, переводчик должен уметь правильно и адекватно передать те языковые категории, которых в одном из языков не существует.

Ученые в области лингвистики признают, что глагол является доминирующей конструктивной частью речи [6, с. 3; 7, с. 147]. Мнения татарских и русских исследователей и ученых о сложности, богатстве и разнообразии глагольных форм удивительным образом совпадают. Возьмем для примера цитату из труда выдающегося ученого Л. М. Васильева: «Русский глагол отличается исключительной сложностью своего содержания, разнообразием грамматических категорий и форм, богатством парадигматических и синтагматических связей» [3, с. 34]. Так и ученый в области татарского языка Ф. А. Ганеев подчеркивает, что «глаголы в тюркских языках являются самой сложной и обширной частью речи» [4, с. 40]. Такое положение создает одновременно и широкие возможности для переводчика при работе с глагольными единицами, и определенные трудности.

Эмотивные глаголы с положительной эмоциональной семантикой в татарском языке вербализуются через глаголы *куану* (радоваться) [9, с. 117], *ярату* (любить) [Там же, с. 321], *соклану* (восхищаться) [Там же, с. 235] и так далее. Негативную семантику же чаще всего имеют такие глаголы, как *ачулану* (злиться) [Там же, с. 43], *ярсу* (раздражаться) [Там же, с. 354], *упкэлэу* (обижаться) [Там же, с. 186] и т.д. Как двухвалентные рассматриваются глаголы типа *шаккату* (удивляться), *гажэплэнү* (удивляться), так как они могут выражать как негативные, так и положительные эмоции [2, с. 66].

Достаточно большой корпус эмотивных глаголов выявлен в повести «Яралы язмышлар» («Былинки на ветру»). Повествование ведется от женщины по имени Минсылу, проработавшей в детском доме нянечкой и старавшейся заменить детям бабушку. В соответствии с темой и проблемой произведения, преобладающими являются глаголы, выражающие такие положительные эмоции, как радость, восторг, любовь, нежность; отрицательные эмоции представлены при помощи эмотивных глаголов, описывающих гнев, возмущение, ярость, стыд, волнение, страх. Среди глаголов, обозначающих двухвалентные эмоциональные состояния, нами выявлены единицы, описывающие такие состояния, как удивление, смех.

Рассмотрим некоторые из них: *Муллалар килеп кергэч, бераз тынычсызланып алдылар* [10, с. 95]. / *Когда мулла вошел в зал, дети немного забеспокоились* [Там же, с. 277].

На наш взгляд, в данном случае перевод выделенных эмотивных глаголов эквивалентен. Они имеют семантику душевного спокойствия с негативным оттенком, оба глагола имеют значение совершенности действия, которое подчеркивается наличием наречия *бераз* (немного), что особенно важно в татарском языке. Однако некоторые различия содержатся в структуре глаголов. В татарском тексте употреблен составной глагол, состоящий из комбинации деепричастия на *-п* (*тынычсызланып*), и модифицирующий глагол, а в русском языке же простой глагол с приставкой *за-*.

Еще один пример перевода эмотивных глаголов: «*Бабай*» *дигэн сүзем тегеләрне сагайтын эсбирде, кайберсе элий ук баилады* [Там же, с. 95]. / *Слово «бабай» сразу насторожило детей, некоторые даже заплакали* [Там же, с. 277].

Таким образом, видно, что составные глаголы весьма распространены в татарском языке, и переводчик четко должен понимать, что смыслообразующим является не только деепричастная часть глагола, но и глаголы типа *эсбирде*, *бирде*, *китерде*, *чыкты*, *керде* и так далее, выполняющие модифицирующую функцию. Так, в примере, приведенном выше, глагол *эсбирде* помогает образовать значение начала действия. На русский язык он может быть переведен и при помощи вспомогательного глагола *начать* и, как в приведенном выше примере, глаголом с приставкой *за-*.

Улларымның шундый фикер йөртүләренә бик куандым [Там же, с. 72]. / Я порадовалась тому, что сыновья мыслят здраво [Там же, с. 258].

В вышеприведенном примере можно увидеть грамматическую трансформацию, выраженную тем, что татарский глагол имеет основной залог, а русский глагол – страдательный. Семантика предложения от данного несоответствия не страдает, однако по мере возможности переводчики должны стремиться к тождеству залогов глаголов оригинального и переводимого текстов. В данном случае такое невозможно.

Весьма часто эмотивные глаголы являются метафорически переосмысленными. Например: *Минем сүзләрдән соң Нурания апаның йөзләре яктырып китте* [Там же, с. 53]. / Лицо Нурании *просветлело* [Там же, с. 240].

Данный перевод адекватен, выполнен методом эквивалентного перевода. Глаголы имеют положительную семантику и обозначают в контексте произведения «дать радость, удовлетворение» [5, с. 1024].

Кайберәүләр үпкә дә белдерделәр. Шундый игелекне эшләгәч-эшләгәч, берәр жүнләрәк балага карата эшләргә мөмкин түгел идемени, янәсе. Бик ачуым чыкты аларга [10, с. 74]. / Некоторые воспитатели *недоумевали*: мол, не могла выбрать ребенка получше, потолковее. Я очень *сердилась* и отвечала: да кто же знает, толковый Вася или бестолковый? [Там же, с. 258].

Спорным, на наш взгляд, является перевод татарского глагола *үпкә дә белдерделәр* русским глаголом *недоумевали*. Налицо некоторое семантическое различие. Татарский глагол выражает эмоцию обиды, а русский глагол обозначает непонимание, неясное видение ситуации. Несмотря на это, мы считаем, в данном контексте перевод вполне адекватен. Воспитатели действительно именно *недоумевали*, а не *обижались* на Минсылу ханым из-за того, что она застраховала жизнь и здоровье туповатого, на их взгляд, ребенка.

Несколько не согласны мы и с переводом второго выделенного глагола. Татарский глагол *ачуым чыкты* имеет оттенок совершенности, так как значение совершенного вида, по мнению Ф. А. Ганиева, передается «формами прошедшего категорического, неопределенного прошедшего, давно прошедшего времени предельных глаголов, если этому не препятствует контекст» [8, с. 61]. Понятно, что русский глагол *сердилась* обозначает несовершенство действия.

Рассмотрим другой пример: *Баиш табиб, газетада мәкалә чыккач, эттэй котырды* [10, с. 65]. / Главврач, увидев статью, *пришла в ярость* [Там же, с. 251].

В данном случае, лексическая единица *котырды* переведена при помощи фразеологизма *прийти в ярость*. С одной стороны, переводчик достиг вполне адекватного перевода. Однако, если вникнуть в суть предложения, видно, что тончайшие смысловые оттенки претерпевают некоторые изменения. Во-первых, не совсем понятен мотив обращения к фразеологическому фонду, так как лексикографические источники предлагают эквивалентный перевод в виде глаголов *взбеситься, ошалеть, озвереть, разъяриться* и так далее [9, с. 321].

Во-вторых, в данном случае мы считаем нецелесообразным опущение сравнения *эттэй (как собака)*. Объясняем это так: главврач детдома, где развиваются события, не любит детей и жестоко обращается с ними, а ведь они ловят каждую каплю нежности, ласки. В то же время в ее душе есть место ласке и нежности, но она их дарит только уличной собаке, которой отдает котлеты, принадлежащие по праву детям, моет в ванной, в которой купаются дети, и ласково гладит, воркует с собакой на глазах у детей. Поэтому и в ее описании Ф. Яруллин весьма умело использует сравнительный оборот при глаголе *котырған*. Исходя из вышеописанного, мы предлагаем свой вариант перевода: *Главврач, увидев статью, взбесилась как псина*.

В некоторых случаях эмотивный глагол, выраженный глаголом изъявительного наклонения и выполняющий функцию глагольного сказуемого, при переводе трансформируется в подлежащее, выраженное существительным. Например: *Бүлмә уртасына житкәч, лып итеп утырса да еламады. Шундый шатланган балакай* [10, с. 71]. / Гафур, который до того едва научился стоять, держась за стул, вдруг робко сделал первый, второй шаг – и так до середины комнаты, где и шлепнулся на попу, но не заплакал, – настолько велика была его радость, – и за себя, и за птичку, которую он видел впервые так близко [Там же, с. 255].

В заключение необходимо отметить, что перевод эмотивных глаголов, несмотря на то, что и татарский, и русский языки предлагают богатейший выбор глаголов эмоционального состояния, обладают разным, но богатым выбором передачи смысловых оттенков посредством грамматических категорий, имеет некоторые сложности. Главным образом сложности заключаются в том, что в русском языке у глагола есть видовая категория, а о видовых значениях татарского глагола можно говорить только в связи с временными формами глаголов в зависимости от их предельности-непредельности. Также при отказе от эквивалентного перевода необходимо тщательно продумать, не причинит ли это вред не только раскрытию смысла данного предложения, но и раскрытию темы, проблемы, образа в произведении.

Список источников

1. Ахунзянов Э. Двужычие и лексико-семантическая интерференция. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 1978. 189 с.
2. Болгарова Р. М., Сафонова С. С. Сравнения в русском и татарском языках: опыт концептуально-семантического анализа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9 (63): в 3-х ч. Ч. 1. С. 65-67.
3. Васильев Л. М. Семантика русского глагола. М.: Высш. шк., 1981. 184 с.
4. Ганиев Ф. А. Функциональная грамматика татарского языка. Казань, 2015. 272 с.
5. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
6. Кулиев Г. К. Семантика глаголов в тюркских языках: автореф. дисс. ... д. филол. н. Баку, 1992. 47 с.
7. Салахова Р. Р., Гиниятуллина Л. М. Глаголы звучания в татарском языке: словообразовательный и семантический аспекты // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3 (69): в 3-х ч. Ч. 2. С. 147-149.
8. Татарская грамматика: в 3-х т. Казань: Татарское кн. изд-во, 1993. Т. II. Морфология. 397 с.
9. Татарско-русский словарь / под ред. Ф. А. Ганиева. Казань: Татарское книжное изд-во, 1988. 462 с.
10. Яруллин Ф. Г. Ярала ызмышлар. Былинки на ветру. The Ways of Fate. Казан: Рухият, 2000. 440 с.

**TATAR EMOTIVE VERBS AND PECULIARITIES OF THEIR TRANSLATION INTO RUSSIAN
(BY THE MATERIAL OF THE STORY BY F. YARULLIN “YARALY YAZMYSHLAR”)**

Salakhova Ruzilya Rashitovna, Ph. D. in Philology
Kazan (Volga region) Federal University
ruzilya5@mail.ru

The article is devoted to studying translation peculiarities of emotive verbal vocabulary by the material of the story by the outstanding Tatar writer Fanis Yarullin “Yaraly Yazmyshlar” (translated by E. Imbovits). The choice of the subject is conditioned by the fact that at present emotions are actively studied within the framework of linguo-culturology, and the means expressing emotions in the oral and written speech – as an important component of discourse or literary text. The research findings can serve as a foundation for further research in the sphere of linguistics and literary translation.

Key words and phrases: Tatar language; semantics; emotion; emotive vocabulary; emotive verbs; literary translation.

УДК 81’373

В статье рассматривается лингвокогнитивное направление изучения языка на основе анализа научной литературы современных российских и зарубежных ученых. Наряду с изучением современных исследований категоризации в лингвокогнитивном и лингвокультурологическом аспектах, особый интерес приобретает лингвоконцептология как современное направление когнитивной лингвистики.

Ключевые слова и фразы: когнитивная лингвистика; категоризация; концепт; лингвокультурология; лингвокогнитивный аспект изучения категоризации.

Сергиенко Наталья Анатольевна, к. филол. н., доцент
Сургутский государственный университет
nas_surgut@mail.ru

**ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА
В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ**

Современное состояние гуманитарного знания характеризуется утверждением антропоцентрических принципов исследования. Изменилась эпистемическая доминанта современных лингвистических студий: от анализа языка как «вещи в себе», отстраненной от своего пользователя – *homo loquens* (в узком понимании – человек говорящий, в широком прочтении – человек, участвующий в речевой коммуникации), – ученые обратились к рассмотрению языка в корреляциях с культурной средой его существования. Согласно такому подходу язык осознается как средство доступа к пониманию тех или иных аспектов познания мира человеком, особенностей когнитивных процессов, которые происходят в ментальном пространстве говорящего и находят свое отображение в языке.

Лингвистические исследования, осуществляемые в координатах «язык ↔ человек», направлены на описание специфики бытия человека как субъекта культуры, как творца культурных смыслов, поскольку именно язык становится одной из разновидностей реализации культуры и ее зеркалом. Характерным признаком антропоцентрических исследований является очевидный экспансионизм в другие области научного знания, что имеет безусловные преимущества по сравнению с принципом рассмотрения «языка в самом себе и для себя», который определял развитие языкознания на протяжении всего XX столетия.

На стыке лингвистики с сопредельными гуманитарными дисциплинами возникли и продолжают свое интенсивное развитие такие междисциплинарные предметные области, как когнитивная лингвистика, лингвокультурология, лингвоконцептология, лингвоаксиология и т.д. Основным предметом исследования этих дисциплин является концепт – сложный ментальный феномен. Изучение категоризации в рамках лингвокультурологии и когнитивной лингвистики не теряет своей актуальности уже в течение продолжительного времени, а исследовательский диапазон является чрезвычайно широким.

Когнитивная лингвистика, объектом которой является «язык как экспонент когнитивных структур и процессов сознания, а предметом – соотношение когнитивных механизмов сознания с естественным языком и его речевой реализацией» [16, с. 365], входит в состав *когнитологии* или *когнитивистики* – науки «о знании и познании, о результатах восприятия мира и предметно-познавательной деятельности людей, накопленных в виде осмысленных и систематизированных данных, которые в определенной степени репрезентованы в нашем сознании и составляют основу ментальных, или когнитивных процессов» [12, с. 34]. На самом деле когнитивистика – это не одна, а целый круг когнитивных наук (*cognitive sciences*), объединенных общей междисциплинарной программой изучения процессов, связанных со знанием и информацией [Там же].

Лингвистическая теория концептов на сегодняшний день развивается преимущественно в двух направлениях – лингвокогнитивном и лингвокультурологическом. В этой связи в современных трактовках концепта ярко отличаются два ракурса, соответствующие этим двум подходам.

Представители первого подхода (в частности, Е. С. Кубрякова, Н. Н. Болдырев, А. П. Бабушкин, З. Д. Попова, И. А. Стернин, С. А. Жаботинская, Е. А. Селиванова и др.) понимают концепт как глобальную